Егоров Сергей Борисович

ЛЕСОЗАГОТОВИТЕЛЬНЫЙ ПРОМЫСЕЛ У ЮЖНЫХ ВЕПСОВ В КОНЦЕ XIX - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.

В статье характеризуется лесозаготовительный промысел у этнолокальной группы южных вепсов. Исследование базируется на полевых материалах автора, неопубликованных архивных источниках, публикациях в периодической печати. В работе выявлены причины возникновения и развития этого занятия, охарактеризованы особенности его организации. Обращено внимание на роль промысла в интенсификации межэтнического взаимодействия южных вепсов и русского населения региона, а также его влияние на изменение некоторых элементов материальной культуры.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/5-3/15.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (43): в 3-х ч. Ч. III. С. 59-62. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/5-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

а другая сторона (дистрибьютор) приобретает право размещать и осуществлять реализацию товаров на согласованной сторонами территории в течение определенного периода времени. Дистрибьютором выступает лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность и реализацию товаров, приобретаемых у поставщика и принадлежащих дистрибьютору на праве собственности, на согласованной в дистрибьюторском договоре географической территории.

Список литературы

1. **Вилкова Н. Г.** Договорное право в международном обороте. М.: Статут, 2004. 510 с.
2. **О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации**: Проект Федерального закона № 47538-6 (ред., принятая ГД РФ в I чтении 27.04.2012 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://base.garant.ru/58024599/ (дата обращения: 18.04.2014).
3. **Об обращении лекарственных средств**: Федеральный закон от 12.04.2010 г. № 61-ФЗ (ред. от 25.11.2013) // Собрание законодательства РФ (СЗРФ). 2010. № 16. Ст. 1815.
4. **Постановление ФАС Московского округа от 17.10.2012 по делу № А40-106915/11-144-950** [Электронный ресурс]. URL: http://docs.pravo.ru/document/view/28475016/28969750/ (дата обращения: 18.04.2014).
5. **Рассказова Н. Ю.** Модельные правила европейского частного права / пер. с англ.; науч. ред. Н. Ю. Рассказова. М.: Статут, 2013. 989 с.
6. **Guidelines of 7 March 2013 on Good Distribution Practice of Medicinal Products for Human Use 2013/C 68/01** // Official Journal of the European Union of 7.03.2013. Vol. 56. P. 1-14.
7. **Guidelines on Good Distribution Practice of Medicinal Products for Human Use 94/C 63/03** [Электронный ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/health/files/eudralex/vol-4/gdpguidelines1.pdf (дата обращения: 14.04.2014).
8. **What is Good Distribution Practices?** [Электронный ресурс]. URL: http://www.irishexporters.ie/section/WhatisGDP (дата обращения: 14.04.2014).

CONCEPTION OF DISTRIBUTION CONTRACT IN MODERN LITERATURE AND OTHER SOURCES (PART TWO)

Doron'kina Viktoriya Yur'evna
Saint Petersburg State University
v.doronkina@gmail.com

In the second part of the article the author analyzes the definition of the conception of distribution contract in literature and normative legal acts, considers the issues connected with the implementation of distribution activity in the sphere of the distribution of medicinal products, the legal regulation of medicinal products circulation at the international level. The paper investigates the existing viewpoints allowing distinguishing this contract construction from other entrepreneurial contracts.

Key words and phrases: distribution contract; exclusive sales agreement; appropriate practice of wholesale.

УДК 397
Исторические науки и археология

В статье характеризуется лесозаготовительный промысел у этнолокальной группы южных вепсов. Исследование базируется на полевых материалах автора, неопубликованных архивных источниках, публикациях в периодической печати. В работе выявлены причины возникновения и развития этого занятия, охарактеризованы особенности его организации. Обращено внимание на роль промысла в интенсификации межэтнического взаимодействия южных вепсов и русского населения региона, а также его влияние на изменение некоторых элементов материальной культуры.

Ключевые слова и фразы: южные вепсы; традиционная культура; хозяйство; лесозаготовительный промысел; межэтническое взаимодействие.

Егоров Сергей Борисович
Санкт-Петербургский государственный университет
arskaht@mail.ru

ЛЕСОЗАГОТОВИТЕЛЬНЫЙ ПРОМЫСЕЛ У ЮЖНЫХ ВЕПСОВ В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.©

Ареал расселения южных вепсов занимал территорию, где от 3/4 до 4/5 всех земель было покрыто южнотаёжными лесами. Это открывало широкие перспективы для использования лесных ресурсов. Но местное население было лишено возможности свободной хозяйственной деятельности на большей части региона.

© Егоров С. Б., 2014

Особенно остро эта проблема встала после начала интенсивного развития капиталистических отношений в результате реформ 1860-х гг. Помещики и предприниматели стали активно концентрировать в своих руках местные леса, так что накануне 1917 г. в Борисовщинской волости, где проживали южные вепсы, из 140 093 десятин крестьянам принадлежало только 18 683 десятины, что составляло 13,3% земель административной единицы [10, с. 249]. Если до реформы 1861 г. крестьяне могли арендовать лесные участки у своих помещиков для разработки под подсеку за определенную долю урожая, то после еѐ осуществления эта деятельность оказалась под запретом, т.к. владельцы считали нерациональным использование леса таким образом. В результате крестьяне лишились значительной части доходов от земледелия. Поэтому они были вынуждены искать альтернативу традиционному занятию. Выходом из сложившегося положения для большинства хозяйств стало обращение к лесозаготовительному промыслу.

Исследователи конца XIX – начала XX в. утверждали, что если бы не возможность зарабатывать деньги на заготовке и сплаве леса, то крестьяне не смогли бы выжить. Так, Н. Н. Волков отмечал, что в этот период собственного хлеба вепсам хватало лишь до Покрова [2, д. 10, л. 10].

К началу XX в. этот промысел прочно встроился в хозяйственный комплекс южных вепсов, и никто уже не помнил о том, когда их предки начали добывать средства к существованию этим занятием.

До ввода в эксплуатацию железной дороги, которая прошла по территории Тихвинского уезда Новгородской губернии, единственным транспортным путѐм для доставки древесины в Петербург был сплав по реке Тутока, которая относится к бассейну Ладожского озера. Поэтому южным вепсам приходилось нередко доставлять лесоматериалы на расстояние до 40-45 км – от верховьев рек, относящихся к Волжскому бассейну [Там же, д. 93, л. 3].

С окончанием строительства железной дороги стали использоваться для сплава и реки Волжского бассейна, текущие на юг и юго-восток: Лидь, Нижиковка, Ропля, Талик (Талица). Предварительно была произведена расчистка русел рек, построены плотины. Подготовительные работы затронули не только южных вепсов, но и соседние локальные группы. Так, для регулировки стока вод на территории проживания корвальских вепсов были построены плотины на реке, вытекающей из Леринского озера, при истоке р. Энои из Рябовоконецкого озера и реки Новой из Кехнозера (Uz´jogi). Постоянно подвергались расчистке речные берега [9, л. 36, 38].

В середине 1920-х гг. в верховьях реки Ояти, где располагались исключительно поселения средних вепсов, лесозаготовки приобрели характер массового промысла, причем чем ближе к истокам, тем больше населения в нем было задействовано. Так, в районе Ладвы в лесозаготовках участвовало 90% взрослых, ниже по течению, в окрестностях Озер, – 36%. В целом по Винницкой волости, куда входили наряду с русскими и указанные вепсские районы, лесным промыслом занимались 23% населения [11, с. 151].

Конкретные факты говорят о значимости лесозаготовительного промысла и для южных вепсов. По сведениям Е. В. Скородумова, исследовавшего это занятие в конце 1920-х гг., из 44 хозяйств д. Боброзеро 37 (т.е. 80%) имели доход от работ по заготовке леса. Этой работой крестьяне занимались в свободное от земледельческого труда время, главным образом поздней осенью, зимой и ранней весной. Срок пребывания на лесозаготовках составлял в среднем около 10 недель, т.е. более 2 месяцев [2, д. 93, л. 4, 31]. Таким образом, южные вепсы были вовлечены в лесозаготовки в очень высокой степени.

Рабочими инструментами до появления техники, которую начали применять только с 1930-х гг., были топор (kirvez), пила (pila), скобель для окорки брѐвен в виде либо скребка, либо с двумя ручками, обѐрнутыми берестой, с шириной лезвия 4-5 см, толщиной 0,5 см и длиной до 40 см [Там же, л. 30-31]. В работе сплавщиков главным инструментом являлся багор (bagr), представлявший собой железный наконечник с двумя заостренными на концах толстыми пластинами – прямой и отогнутой в сторону, насаженный на длинную (свыше 2 м) прямую деревянную ручку.

По свидетельству южных вепсов, принимавших участие в промысле в дореволюционный период, «лес возили очень толстый, вершков на 12-13 в вершине, да сажен 5-6 длины» [Там же, л. 3] (1 вершок – 4,45 см, 1 сажень – 213,4 см). Рабочий день в лесу продолжался с 6 до 16-17 часов. Дневной заработок дровосека или пильщика составлял 30-50 копеек, а возчика с лошадью – 0,8-1,2 рубля. На питание рабочий тратил до 30 копеек в сутки, на прокорм лошади – около 60 копеек. Таким образом, чистый заработок у безлошадных мог доходить до 20 копеек, а у возчика – до 30 копеек. Выше ценился труд сплавщиков, так как он был более напряженным и совпадал с началом земледельческих работ, являвшихся очень важными для крестьян. Суточный заработок этой категории рабочих составлял 1-2 рубля [4, с. 335]. В конце XIX – начале XX в., работая вместе с лошадью, за сезон на лесозаготовках можно было заработать около 100 рублей, а без тягловой силы – около 30 рублей [1, с. 3; 3; 6, с. 34]. В конце 1920-х гг. жители южновепсских поселений при работе вдвоѐм, используя лошадь, могли получать до 4 рублей в день, что в натуральном выражении соответствовало 1840 г муки или 2300 г печѐного хлеба, 240 г пшена и 9600 г овса. В бюджете южновепсских хозяйств в эти годы доля дохода от лесозаготовок составляла 30-40% [2, д. 93, л. 40, 42-43].

Если до революции и в первые годы советской власти отправляться на лесозаготовки южных вепсов заставляли экономические факторы: недостаток хлеба и, следовательно, необходимость заработать средства на его приобретение, то с 1930-х гг. крестьян стали принуждать работать в лесу в порядке трудовой повинности. Административные районы, созданные на территории расселения вепсов, были включены в категорию промыслово-земледельческих. Характерно, что газета Ефимовского района, в котором проживала большая часть южных вепсов, носила первоначально название «Колхозник-лесоруб», тем самым подчѐркивая значение лесозаготовок в экономике территории. Хотя труд на промысле был физически тяжѐлым, молодѐжь охотно отправлялась на лесозаготовки, так как это давало возможность разнообразить жизнь, пообщаться со сверстниками

из других, нередко отдалѐнных деревень, завести знакомства, заработать «живых» денег. При этом обязательным условием являлось выполнение нормы выработки. Перевыполнение нормы стимулировалось дополнительно. В 1930-е гг., по информации И. В. Павловой, за 2 недели работ она получила 75 рублей, 1 кг конфет, 2 м ситца, рейтузы, большой зелѐный шерстяной платок и «маленькую» бутылку водки [7, л. 42]. Во время Великой Отечественной войны на лесозаготовках трудились в основном женщины и подростки. Работа продолжалась с рассвета до наступления темноты. За выполненную норму получали 600 г хлеба.

При работе в лесу иногда приходилось ночевать под открытым небом. Прежде всего, это касалось сплавщиков, в меньшей мере – лесорубов и возчиков. В таких случаях для ночлега устраивался специальный костѐр «нодья» (nodj), делавшийся из двух смолистых, засохших на корню сосен, которые укладывались одна на другую и закреплялись с боков колышками. При этом соприкасающиеся поверхности стволов предварительно разрыхлялись топором, а на концах и в центре делались небольшие прокладки для лучшего горения. Распространявшийся по всей длине деревьев огонь равномерно обогревал спящих. Таким образом, относительно комфортно можно было ночевать даже зимой, предварительно уложив на утоптанный снег хвою. Этот способ ночѐвки, вероятно, был перенят от охотников, которые используют его до настоящего времени. Известна была «нодья» и средним вепсам [5, с. 68-69].

Более распространенным временным пристанищем как на местах лесозаготовок, так и при работе на подсеке служил стан (stan) – бревенчатое сооружение из сухого леса высотой не более 1,5 м, с двухскатной крышей на слегах из жердей, досок, бересты или еловой коры (kotkäžed), без пола, потолка и оконца, с открытым очагом и отверстием для выхода дыма в крыше. Иногда очагом служил костер. Такое жилище вмещало до десятка человек, располагавшихся на соломе, постеленной прямо на землю. С конца 1920-х гг. на смену станам пришли деревянные бараки с нарами и печками.

Лесозаготовительный промысел способствовал распространению в южновепсском крае элементов русской и, шире, городской культуры. Так, сравнивая деревню Белая, через которую проходил лесозаготовительный тракт, с находящимся в стороне крупным поселением Боброзеро, Е. В. Скородумов отмечал в конце 1920-х годов: «...и внешний вид построек, и некоторая плановость в распределении хором и участков, и, наконец, даже... присутствие в каждом доме керосиновой лампы... крестьянские избушки дер. Белой уже не носят следов той седой старины, какие мы наблюдаем в д. Боброзере: это все новые постройки великорусского типа, с белыми печами» [2, д. 93, л. 7-8].

Но культурное влияние было взаимным. Южновепсские возчики останавливались на постой в соседних русских деревнях, жители которых наносили ответные визиты: «У тятеньки два мужика-чухаря стояли. Они зимой в лесу работали... Отец уезжал к ним на неделю в Красный Бор» [8, л. 38]. Соседние с южными вепсами русские хотя и не говорили по-вепсски, но достаточно хорошо понимали вепсскую речь. Происходило взаимообогащение в области фольклора, традиционных представлений и верований. Это способствовало формированию общих черт в культуре южных вепсов и соседних групп русского населения.

Вместе с тем южные вепсы оставались более консервативными по сравнению с русским населением, и нововведения в быту воспринимали с осторожностью. Например, они с большой неохотой меняли привычные станы на бараки, индивидуальное приготовление пищи во время лесозаготовок на коллективное [2, д. 93, л. 22-26].

В 1930-е гг. по всему ареалу обитания южных вепсов начинают создаваться посѐлки лесозаготовителей: Алѐшины Нивы, Боровской, Крутой Ручей, Красный Бор, Ленинский, Ропля. К ним от железнодорожных станций Заборье и Ефимовская на линии Ленинград – Вологда были проложены узкоколейные пути. Наряду с местным населением, в новые поселения по вербовке приехало работать много людей из разных частей Советского Союза, что способствовало размыванию и утрате многих черт традиционной культуры южных вепсов, проникновению в неѐ новых элементов.

Таким образом, в конце XIX – первой половине XX в. лесозаготовки играли значительную роль в хозяйстве южных вепсов, являясь существенным источником дохода. Промысел способствовал более интенсивным контактам с соседним русским населением, способствующим взаимовлиянию в различных сферах культуры, еѐ интернационализации. Некоторые особенности в организации жизни на лесозаготовках у южных вепсов стали нивелироваться с конца 1920-х гг.

Список литературы

1. **А. Клм.** Тихвинские чухари (Путевые наброски) // Русская жизнь. СПб., 1894. № 347.
2. **Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской академии наук.** Ф. 13. Оп. 1.
3. **Григорьев Л.** Оскудение чухарей. Тихвинский уезд // Новое время. 1909. 22 мая (4 июня).
4. **Дамберг Э. Ф.** Кустарные промыслы Тихвинского уезда // Тихвинский край: краеведческий сборник по Тихвинскому уезду / под ред. В. И. Равдоникаса. Тихвин, 1926.
5. **Зайцева М. И., Муллонен М. И.** Образцы вепсской речи. Л.: Наука, 1969.
6. **Исаев.** У Корвальских чухарей // Вестник Новгородского земства. 1899. № 20. С. 34-36.
7. **Полевые материалы автора.** Полевой дневник. 1990.
8. **Полевые материалы автора.** Полевой дневник. 1993. № 2.
9. **Полевые материалы автора.** Полевой дневник. 1994.
10. **Равдоникас В. И.** Чухари // Тихвинский край: краеведческий сборник по Тихвинскому уезду. Тихвин, 1926. С. 242-261.
11. **Розов Н. С.** Работы Ленинградской этнологической экспедиции 1926 года среди вепсов Лодейнопольского уезда // Труды Ленинградского общества изучения местного края. Л., 1927. Т. 1. С. 149-158.

TIMBER CUTTING BUSINESS WITH THE SOUTHERN VEPSIANS AT THE END OF THE XIX – IN THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY

Egorov Sergei Borisovich
Saint Petersburg State University
arskaht@mail.ru

The article characterizes timber cutting business with the ethnolocal group of the southern Vepsians. The research is based on the field data of the author, unpublished archival sources, and publications in periodical press. The paper reveals the reasons for the origin and development of this employment, and characterizes the specifics of its organization. The author accentuates the role of the business in the intensification of the interethnic interaction of the southern Vepsians and the Russian population of the region, and also its influence on the changes of certain elements of material culture.

Key words and phrases: the southern Vepsians; traditional culture; economy; timber cutting business; interethnic interaction.

УДК 316.472.4
Социологические науки

В данной статье рассматривается проблема описания пользователей сети «Одноклассники» как социальной группы. Обосновывается идея о том, что эта группа отличается от других в базовых характеристиках (границы, взаимодействие, ценности). Особое внимание уделено стереотипам как отражению групповых особенностей. Даётся сравнение групп пользователей сетей «Одноклассники» и «ВКонтакте». Установлено наличие социально-технических границ сети, являющихся отражением коммунитарной ценностной системы в «Одноклассниках». Описывается функциональное отличие сети, которое выражено в акценте на использовании коммуникационных возможностей.

Ключевые слова и фразы: социальная группа; социальная сеть; социальное конструирование технологии; «Одноклассники»; стереотипы.

Ефимов Евгений Геннадиевич, к.и.н., доцент
Небыков Илья Александрович, к.и.н., доцент
Волгоградский государственный технический университет
ez07@mail.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ В СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ (НА ПРИМЕРЕ СЕТИ «ОДНОКЛАССНИКИ»)©

Актуальность исследования ведущих социальных сетей можно рассматривать со статистической и социальной точек зрения. Под статистическим основанием понимаются цифры, отражающие рост пользователей социальных сетей. В отношении российских интернет-ресурсов наиболее авторитетным источником этой информации выступает служба *TNS*, согласно статистике которой сеть «Одноклассники» обладает аудиторией в 47 млн человек, уступая первую строчку только сети «ВКонтакте» [9]. Огромное значение имеет и социальная составляющая этого сервиса, выражающаяся в его влиянии на повсеместную трансформацию повседневных практик не только на уровне индивида, но и на уровне организаций и социальных институтов.

Сеть «Одноклассники» являлась первой полноценной российской социальной сетью, однако, несмотря на длительную историю развития и значительную аудиторию, до сих пор мало исследована с социальной точки зрения. К февралю 2014 г. в базе РИНЦ можно найти только 5 статей, содержащих ее название в заголовке, в то время как для сети «ВКонтакте» этот показатель составляет 24, а Facebook – 39.

Целью данной статьи является анализ аудитории социальной сети «Одноклассники» как социальной группы в структуре российских социальных сетей. В рамках данной цели, нами были поставлены следующие задачи:

1) описать теоретические основания исследования пользователей сети «Одноклассники» как социальной группы;
2) изучить базовые характеристики данной группы, опираясь на эмпирические исследования.

Как мы полагаем, виртуальные сообщества, сложившиеся на базе социальных сетей, обладают всеми признаками социальной группы, выражая ее основные характеристики: наличие границ, особая система взаимодействий как совокупность социальных практик и социокультурная среда [5].

Говоря о границах социальной группы, мы опираемся на тезис, что формирование групп на какой-либо основе приводило к их обособлению друг от друга. В качестве примера социологами указывалось появление семей (О. Конт [15, p. 281-284], Б. Н. Чичерин [11, с. 76-87]), создание которых приводило к необходимости развития нравственных норм, иерархии, экономического неравенства и права. Также можно указать на теорию Л. Гумпловича, согласно которой биологические различия приводят к борьбе между группами, которые,

© Ефимов Е. Г., Небыков И. А., 2014